

Козин Николай Григорьевич,
д.ф.н., профессор

ПРИРОДА РУССКОГО РАСКОЛА

Прежде всего, русский цивилизационный раскол не является исключением в истории человечества. Это не чисто русский феномен. Пожалуй, исторически первой из известных попыток осуществить в истории изменения цивилизационной глубины и масштаба стали реформы Эхнатона (Аменхотепа IV) в Древнем Египте – 1353 – 1335 гг. до н.э. Они стали источником полномасштабного цивилизационного раскола общества в той самой мере, в какой претендовали на закладку основ новой религиозной системы, нового государственного культа, связавшего культ традиционного бога солнца Амона-Ра с личностью самого фараона и образовавшего новый культ и культовую практику поклонения «животворному солнечному диску» Атону. В своем «Великом гимне Атону» фараон объявляет себя единственным помазанником этого бога на земле.

Новая вера, гимны и заклинания характеризуют Эхнатона как провозвестника монотеизма и предтечу Авраама и Моисея. Он приказал запретить поклонение всем богам старого египетского пантеона и закрыть их храмы, что стало покушением на самые глубокие духовные архетипические основы идентичности древнеегипетского общества периода Нового царства. Все это сопровождалось расколом на новую и старую знать, новое и старое жречество, который не мог не затронуть и другие слои египетского общества. Раскол был преодолен после смерти фараона возвращением к старым богам и культовой практике, но, похоже, дорого обошелся обществу, если новая столица Ахетатон со всеми новыми храмами была разрушена, а само имя фараона-еретика было вычеркнуто из списка фараонов, когда-либо правивших Египтом.

Цивилизационным расколом было и возникновение буддизма в индуистской и брахманистской среде. В ряду прочего, он предложил такие духовные архетипы, которые взрывали все ценности идентичности, на которых

базировалась кастовая социальная структура индийского общества. Понадобилось без малого тысячелетие для преодоления цивилизационного раскола в Индии, для того, чтобы привести в соответствие архетипы духовности с архетипами социальности, для того, чтобы определиться, какие ценности идентичности больше соответствуют основам локальности индийской цивилизации.

Тяжелейшим испытанием для основ еврейской цивилизации стало возникновение в ее недрах христианства, настолько расколовшего ее духовное единство, что многие и многие столетия спустя само упоминание имени Христа приравнивалось к самым страшным формам вероотступничества. И это естественно, распространение христианства в еврейской среде угрожало самим основам существования феномена еврейской культуры и цивилизации – оно превращалось именно по отношению к евреям в форму их культурной и цивилизационной ассимиляции другими культурами и цивилизациями, ибо взрывало все базовые ценности еврейской этнокультурной идентичности.

В XVI веке цивилизационным расколом уже для самого христианского мира стала Реформация. И во всех цивилизационных расколах наблюдается одна и та же закономерность. *Цивилизационный раскол становится цивилизационным, если он становится расколом в духовных основах истории в душе каждого человека, принадлежащего к локальности данной цивилизации. Если он затрагивает генетический код истории, взламывает основы цивилизационной и этнокультурной идентичности через те изменения, которые он вносит в систему архетипов социальности, культуры, духовности, в сам способ их бытия в истории.*

Для России таким расколом стала цивилизационная катастрофа Октября 1917-го. Имея формационную и связанную с ней модернизационную составляющую, устремленную на всестороннее освоение Россией принципов и потенциалов развития индустриального общества, Русская революция в цивилизационном отношении претендовала на нечто совершенно странное в истории – на преодоление самой русско-российской цивилизации, на

превращение формационных изменений в России в цивилизационные изменения самой России. Именно в этой связи и на этой основе взрывались русско-российские духовные основы истории в душе каждого человека, именно с этой целью взламывался генетический код истории России, основы цивилизационной, исторической и национальной идентичности, вся система архетипов социальности, культуры, духовности.

В этом смысле сущность русского раскола действительно цивилизационная, но заключается не в том, что Россия, уже перестав быть традиционной цивилизацией, никак не может стать либеральной, а в том, *что России просто отказывают в праве быть Россией, с болезненным постоянством на протяжении уже целого столетия пытаются преодолеть ее как Россию. Именно на этой основе цивилизационно раскалывается и сам национальный субъект России на национальную и историческую Россию, и на вненациональную и внеисторическую Россию. На ту, которая хочет сохранить в себе Россию и на этой основе сохранить саму Россию. И на ту, которая хочет преодолеть в себе Россию и на этой основе преодолеть саму Россию.*

Таким образом, цивилизационный раскол России – это раскол в генетическом коде ее истории, в архетипических основах ее цивилизационного бытия, в самом цивилизационном субъекте истории, формы исторической активности которого перестают быть идентичными национальной и исторической России, самому типу цивилизационного бытия и развития России в истории. Это раскол, разрушающий все формы национального и на этой основе цивилизационно обусловленного бытия в истории, центрирующий всякое изменение в России на преодоление самой России. Это самый глубокий источник самых глубоких потрясений в истории – цивилизационных.

В условиях России они определялись невиданным в истории радикализмом целей и задач: не развить и обогатить старые цивилизационные ценности и стандарты, не дополнить их новыми, а заменить на принципиально иные. Все национально обусловленные формы бытия русских в России и России в мире заменить на вненациональные – преодолеть русско-российскую

сущность самой локальности России-цивилизации. Именно это стало главным источником самых тягчайших цивилизационных потрясений в России.

Источник их, следовательно, не в некой «промежуточности» России-цивилизации, не в некоем взаимном отрицании традиционализма и либерализма, а в том, что *России навязывают осуществление цивилизационных проектов, разрушающих локальность ее цивилизации, все базовые структуры идентичности – цивилизационной, национальной, исторической*. Исключением не стал и Август 1991-го. Он не преодолел цивилизационного раскола России, последовавшего после Октября 1917-го, напротив, придал ему новое измерение, новую глубину и масштаб.

В связи с этим, переходя к рассмотрению доселе скрытых аспектов в любом идентификационном кризисе и в любой истории, стоит обратить внимание и на его психоаналитическую глубину. Ведь суть дела оказывается в самых фундаментальных вещах: в опустошении второго важнейшего элемента человеческой психики – «Сверх-Я», всей сферы духовно высшего, императивов долженствования, запретов морального, социокультурного и семейного происхождения. При этом не важно под какими лозунгами и ради осуществления каких идеалов стране и нации навязывают изменение идентификационных основ в истории, по сути, основ локальности цивилизации. Важно другое: «кризис идентификации – это резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чреватому иррациональными деструктивными срывами». И он приобретает глубину духовного кризиса, неизмеримо углубляется и усугубляется «от неумения или невозможности заполнить сферу «супер-Эго» каким-либо устойчивым конкретным содержанием. Это и есть кризис духовности»¹. И он стал реальностью в современной России, в которой все сверхличные ценности стали сомнительными, поскольку под лозунгами вхождения в «цивилизацию» из них вытраивалась их национальная духовная и культурная суть.

---

¹ Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С.394.

В принципе, Август 1991-го был призван решить исторически ограниченный круг проблем, определяемых целями и задачами формационной модернизации России, большая часть из которых группировалась как раз вокруг целей и задач либерализации России. В области экономики это решение круга вопросов, связанных с законодательным утверждением права частной собственности в России. Именно потому, что это утверждение права собственности ни где-нибудь, а именно в России, этот процесс нельзя было свести к простому плюрализму всех форм собственности, а к поиску паритета частной собственности со всеми остальными, и прежде всего с государственной. Основу всех этих процессов должен был составить процесс социализации собственности – наделение как можно большего количества людей реальным отношением к собственности, наполнение этого отношения реальным содержанием.

Экономический фон, на котором все это должно было стать реальностью – требование неограниченных, кроме как экономической и социальной целесообразностью, возможностей развития рынка, свободной конкуренции с одновременным ограничением произвольного, не обусловленного экономическими интересами самого общества вмешательства государства в экономику. Опять-таки, с учетом того, что речь идет об экономике именно России, речь должна была идти не об уходе государства из экономической жизни общества вообще, а о радикальном изменении функций государства в экономике – о преодолении тотальности государственного диктата в экономике, особенно в сфере мелкого и среднего бизнеса.

В области политики историческая миссия Августа 1991-го заключалась в преодолении всевластия одной партии, внедрении принципов парламентской демократии, представленной через плюрализм партий и политическую толерантность. Придание правового характера всем основам общественной жизни, при котором использование государством функций прямого внеправового принуждения была бы сведена к минимуму. Тотальная демократизация всех основ и проявлений человеческой жизни, нормативно-

правовые гарантии свобод личности – свободы печати, слова, шествий, собраний, передвижения, убеждений. Преодоление моноидеологичности общества – засилья и всевластия одной идеологии, заидеологизированности общества вообще, расширение поля идейной плюральности. Формирование структур гражданского общества и его сердцевины – всех форм самоуправления, что стало бы выражением и закреплением в России более глубоких процессов современной истории – возрастания роли масс в истории и их сознательности. Необходимо было по-настоящему открыть страну миру, преодолеть все разграничительные линии, оставшиеся от периодов тотального противостояния по линии Восток-Запад. Если не тотальная, то, по крайней мере, реальная гуманизация основ бытия личности в обществе, тех его сторон, которые определяются экономическими, политическими, социальными и духовными гарантиями осуществления прав человека и его личных свобод.

Нельзя не видеть, что основной исторический вектор либеральной составляющей формационной модернизации современной России, достаточно адекватно укладывается в магистральные закономерности переживаемого момента всемирной истории – преодоление всех базовых форм отчуждения человека в обществе, отчуждающих его от собственности, власти, культуры, другого человека, от подлинных проявлений собственной сущности. При этом важно учесть, что решение всего вышеперечисленного круга проблем ни в какой мере и ни в каком смысле не требовало слома основ национальной и цивилизационной идентичности России. Напротив, Россия нуждалась в восстановлении основ своей подлинной русско-российской цивилизационной идентичности, порушенных или радикально хаотизированных цивилизационной катастрофой Октября 1917-го, в преодолении самой практики исторического творчества, не считающегося с особенностями локальности России-цивилизации. Однако, вместо всего этого, еще раз подчеркнем, решения исторически ограниченного круга проблем Август 1991-го вновь приступил к такой формационной модернизации России, в которой самым жестоким и

наглым образом были задействованы механизмы слома основ ее цивилизационного бытия в истории.

Тем самым не был извлечен главный урок из всех потрясений советского периода истории России, из их цивилизационной составляющей и сущности. Из того и, по всей видимости, не для всех до сих пор очевидного факта: что один раз уже была предпринята попытка организовать цивилизационное бытие России на основе логики мировой истории, не национальной, а именно мировой, так, как ее понимал марксизм. Поэтому неудивительно, что и на этот раз, в конце столетия вновь была актуализирована логика не национальной, а мировой истории, но уже так, как ее понимала компрадорская часть интеллигенции, ибо это оказалась логика исторического развития иной локальной цивилизации. И вновь с каким-то болезненным наслаждением интеллигенция занялась своим излюбленным занятием – организацией хаоса в собственной стране и истории на основе и средствами вненационального исторического развития.

Но кого все это волнует среди вненациональной интеллигенции, не идентифицирующей себя с Россией, и для которой «Россия – это всего лишь «кривое зеркало Европы»..., восточно-европейская культура, тщетно притязающая быть самостоятельной цивилизацией»². Так интеллектуальное бессилие что-то понять в локально цивилизационной сущности России превращается в клевету против ее истинной природы. Но в практике исторического творчества такое искажение основ цивилизационной идентичности России не остается без самых трагических последствий – ведет к взлому основ цивилизационной и национальной идентичности, к цивилизационному расколу общества и, как их следствию, цивилизационным потрясениям в России. В самом деле, поскольку Россия всего лишь «кривое зеркало Европы», то это «зеркало» нуждается в том, чтобы его «выправить». А «благая» цель оправдывает любые средства. Эта «цивилизационная неадекватность» России в политической практике служит странным, но, как

---

² Басина Е. Кривое зеркало Европы. // Pro et Contra. М., 1997. Т.2. С.106.

правило, безупречным оправданием любого отношения к России, вплоть до любой глупости. И в данном случае совершенно не важно, что это будет стоить России, не важно, что это станет насилием над Россией, преодолением основ ее цивилизационного своеобразия и цивилизационной идентичности в истории.

Важно другое и самое трагическое – навязать стране и нации новые формы цивилизационного творчества, никак не связанных с саморазвитием собственных русско-российских цивилизационных основ бытия в истории. Главное преодолеть саму Россию, как основное препятствие для вхождения в структуру локальности иной, западной цивилизации. Для этого в произвольных целях использовать экономику, в частности, разрушение ее базовых производящих структур, чтобы на волне массового обнищания и недовольства масс этим обнищанием, навязать стране и нации новый проект вненациональной цивилизационной идентичности – связать ценности цивилизационной и национальной идентичности с экономически процветающей на данном этапе исторического развития страной, нацией, цивилизацией. Но историческая модернизация, сопрягающая себя с разрушением базовых ценностей собственной цивилизационной и национальной идентичности, еще не начавшись, оказывается обреченной, ибо навязывает стране и нации не ценности исторической модернизации, а цели и смыслы цивилизационного переворота – разрушение всех несущих конструкций социума, связанных с основами локальности его цивилизации.

Вот почему историческая модернизация, в которой так остро нуждалась страна и нация в конце XX столетия для того, чтобы осуществить главное – переход от индустриальной к постиндустриальной стадии исторического развития в национально обусловленных формах, не состоялась. И не состоялась именно потому, *что не осуществлялась в национально обусловленных формах и ради национально значимых целей*. И как закономерный итог: не состоялся прорыв к новым высоким технологиям и экономически эффективным практикам; к новым политически стабильным и социально справедливым формам жизни; к более развитой духовности и вслед за этим и на основе этого к

новому человеку с новым, гуманистически более искренним самосознанием... Не состоялся принципиальный прорыв и к новым формам личностных свобод – чуть ли не главной задачи, провозглашаемой либеральной реконструкцией страны и нации. Все основные завоевания в сфере свободы личности свелись к гарантиям отрицательной свободы выбора – к свободам социально безответственного и нравственно отклоняющегося поведения. Человек оказался еще менее защищенным базовыми экономическими и социальными условиями своей жизни для проявления своей истинной индивидуальности, еще менее свободным для того, чтобы оставаться просто человеком. Страна не получила новых источников новой исторической динамики для прорыва в новое измерение истории.

Вместо всего этого и много другого реформы, начатые еще перестройкой в 1985 году, в 90-х, на острие ельцинского хаосотворчества, принявшие крайние формы либерального джихада, разрушили страну и в ней несущие экономические, геополитические, социальные и нравственные опоры существования нации в истории. Сверх того, они посягнули и на самое святое: осквернили духовное пространство нации, разрушили или до предела хаотизировали и релятивизировали в нем весь мир исторических, культурных и духовных символов, на котором базировало свое бытие национальное самосознание России и в ней – русская нация. Технологии деморализации великой нации были доведены до совершенства.

Это классические войны были связаны с технологиями прямого насилия – поражения человеческого тела. Современные войны носят куда более косвенный, а в ряде случаев и просто стыдящийся форм прямого насилия характер. Но от этого они не становятся менее разрушительными. В них технологии деморализации – тихого поражения души, теряющей центры своей национальной идентификации, нравственные и культурные опоры в своей душе, предшествуют шумным технологиям прямого подавления, как наиболее затратным и рискованным. Куда проще решать главные проблемы идентификационной перекодировки основ цивилизационной локальности

страны и нации под ковром сложных ментальных смыслов, амбивалентных ценностей и спорных идеологем, действие которых тем разрушительнее, чем менее они заметны, чем больше они осуществляются под флагом самых нейтральных мотивов и внешне благовидных предлогов.

Так, под предлогом идеи свободы и достижения идеалов либерализма был осуществлен погром всех центров идентичности и социальной консолидации – *всех крупномасштабных структур социума*, стягивающих его в единое национальное целое – историческое, культурное, духовное. В экономике под предлогом рыночной нерентабельности крупных предприятий был запущен механизм разрушения экономики, грозящий полной деиндустриализацией страны. В политике под предлогом защиты прав личности и расширения пространства экономических, политических и социальных свобод начались процессы демонтажа крупных государственных структур и принципов централизованного управления – процессы разгосударствления – ухода государства из истории в качестве главного субъекта исторического творчества. В геополитике под предлогом борьбы с империей, преодоления «имперских амбиций» и «имперских традиций» был осуществлен геополитический разгром России, ее евразийской геополитической сущности – вытеснение из мировой истории в качестве евразийской державы, способной стать центром евразийской консолидации на основе цивилизационных ценностей россияцентризма. В культуре под предлогом преодоления «азиатского наследия», якобы чреватого крайностями духовного фундаментализма и политического тоталитаризма, была предпринята попытка тотальной ревизии главных культурных кодов России и в ней – русской нации, демонтажа культурных центров с потенциалом больших культурных и цивилизационных синтезов. В идеологии под предлогом деидеологизации российского социума была осуществлена беспощадная идеологическая вивисекция всего идеологического пространства России. В итоге оно лишилось всех центров идеологической интеграции и консолидации

населения и прежде всего тех, которые ориентированы на национальные ценности и смыслы пребывания в истории.

И так – по всем векторам российского бытия в истории, по всем крупным структурам и центрам, которые хоть как-то могут претендовать на статус стартовой площадки для прорыва России в большую историю – для того, чтобы просто остаться в великой истории. Кажется, что Россию хотят опустить до рептильных форм существования в истории, и с этой целью все поиски индивидуального успеха пытаются зациклить на практики их осуществления, если и не за счет, то уж точно в обход принципа единой национальной судьбы. Россию хотят лишить самой возможности порождать и жить в пространстве великих идей и больших исторических проектов, способных духовно мобилизовывать и объединять российский социум, двигать его дальше по вертикали общественного прогресса. Ведь такими способностями, особенно в мотивационной, этико-религиозной сфере обладают только те культуры, которые ориентируются на высокие общественные идеалы, а не на индивидуалистический интерес, ко всему прочему, криминально или паразитарно понятый – на «принцип личности, доведенный до какого-то болезненного неистовства» (Ф.И. Тютчев). Драматургия современной истории для России пишется странным образом. Так, чтобы лишить ее всех центров и источников коллективной идентичности, всех высоких идеалов и ценностей, отмеченных общностью национальной исторической судьбы. Так, чтобы вслед за этим, на основе предельной хаотизации всех центров национального самосознания, постоянно провоцировать в историческом пространстве России все из возможных катастроф истории.

В итоге страна и нация оказались втянутыми в процесс исторического творчества, отдающего крайними формами экономического, политического и культурного экстрима и, что особенно печально, без выраженных результатов в прорыве к новым формам бытия в истории. Посткоммунистическая Россия под самыми либеральными лозунгами была вброшена в условия исторической стагнации, больше и хуже того, не просто «топтанья на месте», но неуклонного

сползания к ситуации с необратимыми последствиями для самих основ существования нации в истории. Историческое наследие, доставшееся России после либерального погрома 90-х годов, поставили страну и нацию перед такими жесткими дилеммами цивилизационного выбора, каких она не знала со времен Александра Невского и Дмитрия Донского. Известная стабилизация последних лет – слабое утешение беспрецедентным историческим провалам, для которых, и это, пожалуй, самое удивительное и трагическое, не было никаких видимых предпосылок. Но, несмотря на это, они, однако, состоялись. И целесообразно сосредоточиться именно на них и на причинах провала реформ, а не на анализе, исходя из ложно понятой объективности, баланса положительного и отрицательного в современных российских реформах – баланса, явно проблематизирующего положительные итоги и сами исторические смыслы реформ.

Ведь все те надежды, которые возлагались на Август 1991-го, не оправдались и не оправдались в принципиальном и по-крупному, обрекая и страну, и нацию на жизнь в аду неоправдавшихся надежд. Ибо в цивилизационном отношении Август 1991-го стал **предательством**, предательством основ русско-российской цивилизации, очередной попыткой ее преодоления в истории под лозунгами вхождения в «подлинную цивилизацию». В геополитическом отношении он стал **катастрофой**, которая в одночасье превратила 25 млн. этнических русских и свыше 4 млн. этнических россиян в эмигрантов в своей собственной стране, разрушив восточнославянское историческое и геополитическое единство, вынудив Россию уйти и оттуда и от того, где и на что она имеет неоспоримые исторические права. В национальном отношении он стал **изменой** коренным национальным интересам русской и союзных ей наций, оставив нацию беззащитной перед вызовами современной истории, не предоставив ей адекватных средств и не создав необходимых условий для национальной самоорганизации и мобилизации перед угрозами самим основам ее существования в истории. Он стал для русской нации новым источником новых

форм национального нигилизма, слома основ национальной идентичности, разгула русофобии и антинациональных, антирусских сил. В демографическом отношении он стал **преступлением**, подведя нацию вплотную к той черте, за которой начинается необратимое вымирание нации. В экономическом отношении он стал **грабежом**, беззастенчивым грабежом колоссальных материальных ценностей, накопленных предшествующими поколениями, он бросил вызов всем тем, кого сделал нищим, лишив самой возможности жить своим честным трудом. В социальном отношении он стал **обманом** огромных масс людей, всех тех, кого лишил социальной защиты, уверенности в завтрашнем дне, в самую возможность социальной справедливости в российском обществе. В политическом отношении он стал **развалом**, небывалым развалом всех структур российской государственности, самой идеи государственности, бессилием власти, ее и политической мысли, и политической воли, разгулом случайных, а в некоторых случаях и разрушительных политических сил. В правовом отношении он стал **иллюзией** защиты прав человека, ибо, пытаясь защищать права человека, почти ничего не было сделано для защиты самого человека, сам человек оказался беззащитным, так как не были выработаны экономические и социальные гарантии его прав, без которых они превращаются в пустую декларацию прав. В идеологическом отношении он стал самооглушением спешно сконструированными новыми мифами, беспардонной **демагогией** на почве демократических и либеральных ценностей, которые были использованы не столько для возрождения России, сколько для разрушения архетипических основ бытия России и русских в истории, для слома базовых структур идентичности. В духовном и аксиологическом отношении он стал **хаотизатором** основ национальной души, покушением на основы духовности нации, попыткой под маской духовного плюрализма хаотизировать всю вертикаль национальных ценностей, преодолеть их и как ценности и, тем более, как национальные. В итоге он стал попыткой втолкнуть нацию и Россию в пространство бездуховности или предельно примитивных форм бытия человеческого духа. В нравственном

отношении он стал **беспределом** новорусского сословия собственников, поставивших идею интереса выше идеи совести, в борьбе за собственность и власть в лучших традициях ницшеанства презревших элементарную человечность, саму возможность сохранения человеческого в человеке...

Россия вступила в эпоху разложения, но, несмотря на это, и это стоит подчеркнуть особо, почему-то воображающего себя развитием. И это в стране, в которой воцарились всеобщая ложь, вопиющая беспринципность и тотальная продажность. Они стали злыми духами времени, раскрутившими маховик национального предательства до уровня образа жизни и принципа действия. Состоялась величайшая в истории человечества распродажа за бесценок исторических, геополитических, экономических, культурных и духовных активов страны и нации, наследников традиций Великой Истории, Великой Культуры и Великой Империи – распродажа, создавшая саму ментальную атмосферу, в которой торговля национальными интересами была превращена в самое прибыльное предприятие. Попрание элементарных стандартов гражданской и человеческой совести не могло не завершиться духовным падением нации. В нравственно деморализованной стране, деморализованной демонстративным надругательством над национальными святынями и принципами социальной справедливости, воцарилась патологическая стабильность, источником которой стала всеобщая апатия, замешанная на тотальном безразличии ко всему, что превосходит масштабы корыстного интереса и личного выживания. Это стабильность не жизни, а смерти, не цветущей сложности, а социума, избравшего для себя путь духовного вырождения и исторической деградации.

Специфическая психология выживания в своей истории в таком и так деградирующем социуме неизбежно превращается в психологию доживания своей истории – в психологию исторически вырождающегося существования. Особенностью психологии доживания своей истории является такое отражение в сознании нации системного кризиса социума, разложения его социальных и нравственных основ, когда нет никаких моральных стимулов для того, чтобы

поддерживать хоть какие-то изменения в обществе, когда нет желания даже сопротивляться собственной социальной деградации и духовной смерти. Психология доживания своей истории – это психология исторически обреченных этносов, обреченных полным разложением структур их исторического и национального самосознания. И видимость политической «стабильности», которую они при этом могут демонстрировать, не должна вводить в заблуждение. Она обусловлена тотальным безразличием и недоверием к власти, ко всему, источником чего она является, исчерпанностью всех социальных резервов социума, почти полным нравственным истощением его души и духа.

В связи с этим крайне важно понять специфические цивилизационные причины оглушительного провала либеральных реформ в России, на которые обычно не обращается никакого внимания. А они не только есть, но и играют совершенно особую роль в объяснении того, почему реформы в том виде, как они начали осуществляться в России в 90-х годах, оказались разрушением России. *И дело, похоже, не только и не столько в их либеральности, сколько в их вненациональности – неадекватности локально цивилизационным и в этом смысле национальным основам России.*